

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

К 75-летию Зинаиды Тихоновны Голенковой

ЗИНАИДА ГОЛЕНКОВА И РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

А. П. ДАВЫДОВ

Эта статья о юбиляре – Зинаиде Тихоновне Голенковой, человеке, рядом с которой я работаю много лет и с которой меня связывают профессиональные и дружеские человеческие отношения. Статья моя – о коллеге, социологе, философе, авторе десятков книг и сотен статей; педагоге, воспитавшем множество студентов и аспирантов, кандидатов и докторов наук; об одном из пионеров возродившейся российской социологии.

Приветствия юбиляру пришли из многих городов России и из-за рубежа. Они наполнены искренним теплом, любовью и благодарностью. Я с радостью присоединяюсь к человеческому чувству, которое выразили коллеги и ученики юбиляра.

Рассказ мой о Голенковой будет сугубо профессиональным. Вместе с тем он и не совсем о Голенковой. Для меня чествование одного из основателей некоторых важнейших направлений в российской социологии – хороший повод поговорить о состоянии и перспективах развития этих направлений. Я буду говорить о структуре российского общества, о критериях и способах изучения социального, о стратификационном (страта – лат. *stratum* слой, пласт) подходе в социологии, о том, что этот подход, возможно, переживает сегодня вторую молодость.

От классовой теории к стратификационному анализу российского общества

Начиная с К. Маркса (1818 – 1883) и М. Вебера (1864 – 1920) в изучении структуры общества и, следовательно, неравенства социальных групп, слоев, конкурируют классовый и стратификационный подходы. Маркс опирался в основном на законы движения капитала, Вебер – на исторически сложившиеся типы людей, динамику культур и обществ. Но из марксизма и веберизма рождается разная глубина анализа. В своих оценках значимости того и другого я буду опираться на выводы З. Голенковой – одного из зачинателей изучения логики социального неравенства, структуры российского общества и стратификационной теории в российской социологии.

Эйфория в России по поводу всесия марксизма сегодня улетучилась. В результате трезвой оценки оказалось, что аналитические возможности классовой теории в марксистской традиции не велики. Тем не менее они

есть, и социология от них не отказывается. Генеральная идея изучения классов и социального неравенства в марксистской социологии:

«Если вы не равны во всем, то потому, что не равны в одном; три измерения необходимо совпадают, накладываются друг на друга; с какой бы стороны мы не рассматривали социальное неравенство, всегда обнаружим, что оно сводится к неодинаковому положению по отношению к собственности, а три измерения – лишь кажущиеся формы одного решающего различия. Поэтому стратификация одномерна»¹.

Подход Вебера более актуален: «Если мы не равны в одном, то это не означает, что мы не равны во всем; три измерения не обязательно совпадают; они не сводимы друг к другу и ни одно из них не является решающим в смысле детерминации; стратификация всегда трехмерна»².

Социология не отказывается от марксистского критерия «дохода», но главным образом расширяет возможности веберизма. Тем не менее следует признать, что, несмотря на все усилия модернизировать Вебера, в основании современных социологических практик лежат те же основные критерии в бесконечно разных вариантах – доход, престиж, власть – о которых говорили классики социологии. И хотя Вебер много занимался «духовным» моментом в типологии культур, изучая хозяйственные этики мировых религий, его три критерия в разных комбинациях и модификациях создают подход, который тоже можно назвать материалистическим. Потому что этот подход измеряется благами и привилегиями, которые, в конечном итоге, материальны.

Сегодня создатели новых научных дисциплин и их последователи, чтобы подчеркнуть значимость своих открытий, критически относятся к достижениям классиков социологии. Но я сомневаюсь в правомерности утверждений, что стратификационный подход к анализу общества себя изживает, «дает сбой»³. Разрушение традиционных социоментальных структур и рождение новых – это во все времена основной механизм, который взрывает старое социальное и создает новое. И разве не об этом говорят политические события последних лет в Северной Африке, на Ближнем Востоке и на Украине? И разве эти события не требуют от власти проведения своевременных структурных реформ?

В своих дальнейших рассуждениях я буду пытаться демонстрировать новые возможности стратификационного анализа российского общества. Эти возможности – из области изучения среднего класса и смежных ему социальных слоев.

2. Стратификационный подход в изучении общества

В аналитическом докладе «Городской средний класс в современной России» делается общая для российских социологов оценка: средний класс – это «стабилизатор социально-политической и экономической жизни» и что он «должен если не спасти Россию, то обеспечить ей в будущем стабильность и процветание»⁴. Этот стратегический вывод

правилен, потому что опирается на многолетний опыт западной и российской социологии.

Но есть противоположная сторона этого, казалось бы, надежного вывода, и она тоже имеет право на существование. З. Голенкова пишет, что «современную социальную структуру российского общества нельзя рассматривать как стабильное устойчивое явление», что дистанция между должным и сущим огромна и что российский средний класс сегодня далек от того, чтобы выполнить высокую миссию скрепы российского общества⁵. В смысловом пространстве между заявлениями о среднем классе как стабилизаторе российского общества и констатацией слабой способности этого класса быть таким стабилизатором и разворачивается почти вся нынешняя российская социология.

В чем причина этой специфики?

Причины начинаются в особенностях рынка труда в России. Казалось бы в мелочах. Например, в несоответствии приобретенных представителями среднего класса и близлежащих к этому классу слоев специальностей с характером их работы: «Не по специальности в настоящее время работает 31% представителей среднего класса; 33% периферийного слоя; 48% — прочих массовых слоев»⁶. Отсюда «дисфункциональность» образования среднего класса и низкая эффективность его труда. З. Голенкова обнаруживает закономерность:

«Если рассматривать группу имеющих “дисфункциональное образование” по населению в целом, то необходимо отметить, по крайней мере, два... тревожных момента. Во-первых, доля респондентов, входящих в эту группу, достаточно велика (особенно в “прочих массовых слоях”)... Во-вторых, в подавляющем большинстве у респондентов этой группы полученная квалификация выше требований выполняемой работы (в среднем классе — в 14% случаев, в его периферии — в 16% и прочих массовых слоях — в 24% случаев), что понижает уровень функциональности труда еще больше»⁷.

Но это далеко не все причины того, почему среднему классу сегодня трудно выполнить свою стабилизирующую роль в обществе. З. Голенкова, изучая занятость среднего класса по основной работе его представителей, обращает внимание на закономерности, которые наносят существенный ущерб его внутренней стабильности.

Низкая зарплата и поэтому потребность в дополнительном заработке:

«Более половины опрошенных представителей среднего класса имели дополнительную работу, приносящую доход»⁸.

Низкий творческий момент в труде и потребность реализовать свой творческий потенциал на второй работе:

«В большей степени ее (вторую работу. — А. Д.) рассматривают обычно как средство самореализации, средство налаживания новых связей, возможностей, средство повышения квалификации»⁹.

Слабо выраженная автономия труда (профессиональная автономия):

«Профессиональная автономия (трактуемая как самоуправление, самостоятельность в широком смысле слова. — А. Д.) по отношению к предмету производства (какие задания выполнять) в среднем классе

выражена слабо и носит в большей степени косвенный характер, ибо этот аспект его деятельности зависит в основном от руководителя (29%, определяющих это самостоятельно, против 48%, за которых это делает руководитель)¹⁰... Способны повлиять на принятие решений в масштабе предприятия лишь 16% представителей среднего класса, 9% периферии и 3% прочих массовых слоев¹¹.

Постоянная угроза увольнения:

«На вопрос о том, какова, на их взгляд вероятность того, что они могут в ближайшие 2 – 3 года оказаться безработными, полностью исключили такую возможность лишь 21% представителей среднего класса, 13% его периферии и 13% в прочих массовых слоях»¹².

Анализ З. Голенковой причин нестабильности этого класса надо признать значимым. Ее исследования показывают, что слабая способность власти проводить структурные реформы порождает 1) размывание среднего класса и 2) перетекание его представителей в смежный социальный слой – прекариат (понятие, этимологически связанное с двумя английскими корнями «precarious» [нестабильный] и «proletariat» [пролетариат]).

О прекариате («новых низших») – слое, который имеет непосредственное отношение к среднему классу, российская социология до 90-х гг. XX в. не говорила. Профессиональный разговор о прекариате – «опасном классе», по мнению одних специалистов, и «болоте», по мнению других – новое направление в стратификационном анализе.

3. Прекариат – новый социальный слой

З.Т. Голенкова и кандидат социологических наук Ю.В. Голиусова в 2013 г. сделали новый шаг в изучении структуры российского общества – описали некоторые основные черты российского прекариата¹³.

Д. Коупленд в книге «Поколение X» (2009) назвал эту страту «космической беднотой», путешествующей по континентам и странам в поисках новых впечатлений и перебивающейся случайными заработками¹⁴. По словам британского ученого Г. Сендинга, прекариат – это люди с «усеченным статусом»¹⁵. Некоторые аналитики считают, что это в какой-то степени «бунт» против образа жизни и ценностей среднего класса, который в развитых странах составляет большинство населения. Этот бунт, по их мнению, сродни бунту хиппи 70-х гг. XX в.

Я бы предложил обратить внимание на социоментальную специфику прекариата. Конечно, капиталу выгодно иметь обширные сектора рабочей силы с нестабильной занятостью, и он делает многое, чтобы прекаризировать средние слои, но, с другой стороны, переход в прекариат – это желание самих людей, не желающих иметь дела с капиталом и властями. Можно сказать, что прекарнизация – это способ человека, имеющего определенный склад психики защитить себя от повысившегося темпа жизни, интенсивности работы и увеличившейся скорости перемен. В условиях, когда мир охватила лихорадка конкуренции, модернизации, глобализации, эти люди сознательно отстраняются от

этой лихорадки. Этим людям нужен более высокий уровень свободы, и через прекаризацию они его получают. Но это свобода без ответственности. Прекариаты как бы раньше времени сами себя увели на пенсию. Это протест против социальной активности как таковой, бегство от города и государства. Это попытка вернуться в догосударственную стихию. Эта тенденция характерна не только для развитых стран, но и для России. Не случайно ведь среди специалистов по российскому менталитету распространено мнение, что русский человек по своим культурным основаниям — все еще безгосударственный человек.

В апреле 2013 г. вице-премьер РФ Ольга Голодец заявила, что 38 млн трудоспособных россиян «непонятно где заняты, чем заняты, как заняты»¹⁶. По оценкам Министра труда и социальной защиты РФ М.А. Топилина, 10 – 15% работающих трудятся без заключения трудовых договоров¹⁷. Некоторые эксперты пришли к выводу, что около 30% трудоспособных россиян находятся в условиях «неустойчивой занятости», находятся в теновом или, как выразилась Голодец, «нелегитимизированном» секторе рынка труда¹⁸. Российский прекариат, рождающийся на «границе между» средним классом и «непонятно чем» (интеллигентским люмпенством?), быстро растет.

В чем суть явления? И почему тех, кого можно отнести к прекариату, так много? Ведь если их действительно от 15 до 30%, то это количество сопоставимо с количеством представителей среднего класса. Ответ, по-видимому, в специфике идентичности этих людей, которая в силу исторического воспитания не вписывается в глобальную модернизацию, которая охватила мир и Россию.

1. Эти люди не идентифицируют себя с деятельностью государства и его органов, потому что не хотят карьерного роста. Они избегают зависимости от государства, которая появится, если они будут выполнять оплачиваемые социальные обязанности.

2. Эти люди не идентифицируют себя с участием в бизнесе, потому что не хотят как можно больше заработать. Они не хотят подчиняться жесткой дисциплине и жить в условиях напряжения и ответственности. Они существуют за счет случайных заработков, финансовой помощи родственников, знакомых, банковских кредитов, получаемых за заложенную собственность, и т.п. Как правило, не хотят повышать свой уровень потребления.

3. Эти люди не идентифицируют себя ни с обладанием собственности, ни с уровнем образования. Согласно СМИ, они, как правило, живут либо на площади родителей, знакомых, либо в съемном жилье, не стремятся к повышению своего образования, квалификации. Редко идентифицируют себя с стабильным семейным образом жизни¹⁹.

4. Эти люди добровольно и резко снизили уровень своего запроса на социальную защиту: не идентифицируют себя с системой социальной защиты, которую предоставляют государство и капитал по трудовому законодательству, и ограничиваются преимуществами, которые дает им как непостоянно занятым, либо безработным, государственная система social welfare.

5. Цель этих людей — иметь много свободного времени, чтобы почувствовать свою индивидуальность, свое Лицо, при этом не очень расходуя себя на усилия по выживанию. Поэтому уровень благосостояния прекариата колеблется от «новой буржуазии» до «нищих». И поэтому они чаще всего объединяются в так называемые *виртуальные страты* (термин Л.Е. Бляхера), существующие в режиме «как бы», быстро возникающие и быстро распадающиеся — экологические, антиглобалистские, туристические, фанатские, художественные, волонтерские группы, движения «одного требования» и т.д. Общее для такого рода движений — «отказ служить дисциплинированным “войском” политиков» (А. Турен и Р. Инглхарт, В.В. Петухов)²⁰.

В чем корни этой «свободы»? И почему ее источником является «средний класс»? Мои выводы сугубо предварительны.

Во-первых, потому что власть и госаппарат интересуют лишь профессионально-служебные способности представителей среднего класса, т.е. их квалификация и усердие, и не интересуют их личностные ресурсы. Творческий потенциал среднего класса, необходимый для реальной социально-политической и технологической модернизации, не востребован и ограничивается. Во-вторых, представителям среднего класса навязывается коррупционно-теневой союз с бюрократией и возрастает потребность в правовом беспределе. В-третьих, в отношении российского бизнеса и российского государства первый выступает инструментом в руках второго и на роль самостоятельного субъекта претендовать не может. Эти факторы создают неудовлетворенность части среднего класса своим социальным статусом, реальным положением и порождают прекариат.

Разрастание «новых низших» за счет вымывания «середины» общества, среднего класса — это, несомненно, социальная база. Но чего? Партии какого типа? Пока не очень ясно. На первый взгляд это та категория населения, которая не знает и не хочет знать, за кого голосовать и поэтому чаще всего игнорирует выборы. Можно ли прекариат зачислить в категорию «рассерженных горожан», способных к уличному протесту? Я думаю, что «середины» — не однозначное явление. 1. Это смысловое пространство, где субъект самокритично отвергает мышление абсолютами и в котором поэтому могут возникать ростки новой динамики; «поиск середины» в этом случае — основание творческого развития. 2. Это также социальная сфера, где субъект, отпав от традиционных смыслов, реанимирует их в новой форме — так рождается анархизм, экстремизм, антиглобализм, терроризм, фашизм и т.д.; середина в этом случае — способ не только разрушить старые абсолюты, но и создать новые, что ведет к новым бедам. 3. Но одновременно это и «сфера между», в которой субъект может отпасть от старых смыслов, но не создать новых, альтернативных («от своих отстал, к чужим не пристал» — Ф. Достоевский), обнаруживая свою творческую несостоятельность, заводя себя в тупик пустого нигилизма и превращаясь в прекариат.

Ю. Афанасьев обобщает «середины»: «Мы — бедная, отсталая страна, а усредненная серость, усредненная бедность и святая усредненная про-

стота, являясь элементами традиционного общества, наша характерная черта»²¹. Ю. Левада — еще круче: видит в «середине» лишь «фактор той стабильности, которой фигурально выражаясь, обладают лежачий камень или стоячее болото»²². А. Ахиезер, целенаправленно изучавший «середину», напротив, считает, что только через отказ от мышления абсолютами и поиск новых смыслов в смыслоформирующей «сфере между» ними, в условной «середине» и происходит развитие человека и общества²³. А. Тихонов (ИС РАН) указывает на существование «срединных» социоментальных групп»²⁴. В ИС РАН в 2013 г. прошел круглый стол, участники которого изучали социокультурный смысл медиации. Хорошо уже то, что, благодаря стратификационному подходу, социологи начали в значительной степени по-новому, междисциплинарно, т.е. вместе с философами, культурологами и психологами изучать способность человека — представителя среднего класса — формировать и разрушать в себе «середину». Сложившийся межинститутский коллектив экспертов продолжит работать над этой темой.

4. Критерии изучения общества

Работы З.Т. Голенковой не только вскрывают динамику российских социальных слоев. Они также нацелены на поиск актуальных факторов, порождающих кризисную социальную динамику. Я в данном случае говорю об аномии. Что это такое?

Аномия (от франц. *anomie* — беззаконие, безнормность) — понятие, введенное в научный оборот Э. Дюркгеймом (1858 — 1917) и Р. Мертоном (1910 — 2003)²⁵. Аномия проявляется в тупиковой ситуации, когда прежняя система ценностей разрушена, а новая не сложилась или не утвердилась как общепринятая. Из российских ученых существенный вклад в изучение аномии внесли А.С. Ахиезер (1929 — 2007), назвав это явление «застреванием» и придав ему общекультурную значимость²⁶, и Л.Е. Бляхер, назвав это явление «социальным хаосом» и объяснив его средствами социальной философии²⁷. З. Голенкова фиксирует состояние аномии/застревания/социального хаоса в российском обществе через нарушение принципа верховенства права, «приватизацию государства» чиновничьим аппаратом, коррупцию:

«Все это вместе взятое в условиях правового беспредела привело (в 90-е гг. — А. Д.) к разрушению целостности российского общества, росту в нем аномии... когда одна ценностно-нормативная система разрушена, а другая еще не сформировалась»²⁸. В результате «значительное число граждан начало ощущать отчуждение от социальных процессов, свою социальную не востребуемость»²⁹.

Отсюда, по Голенковой, принципиальное заблуждение: инициаторы перестройки и реформаторы 1990-х, опираясь на кабинетные знания, пытались создавать социокультурные синтезы путем наивного механического соединения «элементов новой партиципативной культуры с элементами старой традиционной авторитарной культуры». Отсюда имитационно-правовая государственность. Оказалось, что она вполне

может обходиться без коммунистической идеологии и сосуществовать с частной собственностью и рыночной экономикой. Отсюда же анония и ее последствия:

«В условиях нарастания анонии усиливаются авторитаристские настроения – возрастает потребность в сильном лидере, в авторитарном государстве. Эта постоянно присутствующая сегодня в российском обществе опасность значительно возрастает, когда вместо дихотомии “гражданское общество – (политическое) государство” все четче прослеживается дихотомия “элита – масса”»³⁰.

Как бороться с анонией/застреванием/социальным хаосом? Спектр взглядов на эту проблему широк. Консервативные³¹ и либеральные³² программы не могут внятно объяснить, почему они либо малоэффективны, либо не получают массовой поддержки в обществе, считая, что «в бедах людей виноваты сами люди», винят «русский менталитет, лень, безынициативность, неготовность что-то поменять в своей жизни» и т.д.³³ Но в борьбе с анонией сегодня нужно не людей обвинять, а создавать тонкие настройки, изощренные социокультурные «нанометодологии», способные к ювелирной работе в самых сложных «сферах между».

Я хотел бы сослаться на методологии, которые используют, например, О.Н. Яницкий (поиск третьих смыслов в «сфере между» человеком и биосферой, когда обменные процессы «начинают выполнять функцию третьего действующего субъекта»)³⁴, А.Б. Гофман (поиск механизма взаимопроникновения традиции и инновации, идея «опоры в социальных трансформациях на традицию... как на инновацию», рождение понятия «инновация-традиция»)³⁵, Ж.Т. Тощенко (кентавр-проблема как попытка человека соединить в себе несоединимое)³⁶, А.С. Ахиезер (теория медиации как поиск третьих, альтернативных смыслов в «сфере между» культурой и обществом, «между» потребностью человека сохранить старое и создать новое)³⁷, Л.М. Дробижева (поиск путей синтеза ценностей этнокультур и гражданского общества в условиях модернизации)³⁸, З.Т. Голенкова (изучение процессов анонии – на «границе между» средним классом и прекариатом, превращая саму стратификационную теорию в социокультурную проблему).

Что объединяет эти методологии? Они нащупывают некий «зазор» (Г. Гегель, М. Вебер), «сферу между» (М. Бубер), «аномию» (Э. Дюркгейм, Р. Мертон), «середину» (Л. Леви Брюль, К. Леви-Строс), «разрыв» (В.В. Пастухов), «разлом» (А.С. Ахиезер), «блуждающий центр», «хаос», «кризисный тип коммуникации» (Л.Е. Бляхер), «границу» (М. Бахтин, З. Голенкова), в которых они обнаруживают формы разрушения старых смыслов и ищут пути синтеза новых. Именно там, среди руин старой социальности, рождается «гадкий утенок» – новое «полусвое-получужое». Оно принципиально не завершено, открыто, по диссидентски беззащитно, ничего не требует, никому ничего не предлагает, этакая картинка с выставки середин³⁹, вещь в себе, но «в каждом новом диалогизирующем его контексте [оно] способно раскрывать [в себе] все новые смысловые возможности»⁴⁰. Указанные методологии с разной степенью успешности работают в самых труднодоступных областях человеческого сознания –

менталитете, и за счет возможностей социокультурного анализа существенно расширяют предмет социологии.

Сегодня anomia/застревание/социальный хаос/кризисная коммуникация рассматривается не только как социальная, но и как общекультурная проблема. «Россия застрявшая» — тема, по которой в русской художественной литературе создано множество образов: пушкинский Онегин, лермонтовский Печорин, гончаровский Обломов, тургеневский Рудин, «мертвые души», человек «ни то, ни се» Гоголя, подпольный человек Достоевского, «кисляй» Чехова, «шариковы» Булгакова⁴¹. В публицистике о застрявшей КПСС и позднее о застрявшем в противоречиях Б. Ельцине написано немало... Изучение процессов маргинализации культуры, «аномизации» социального — важнейшее направление изучения русскости, России.

Одно несомненно: после достижений Дюркгейма и Мертона нужны новые шаги в поиске новых критериев социокультурного изучения нестабильных и пограничных социальных состояний: исследование различных страт, готовых изменяться и не способных к переменам, поддерживающих реформы и активно блокирующих их, вписывающихся в mainstream мировой культуры и обреченно выпадающих из нее. Социология должна научиться исследовать социоментальные группы.

5. Как изучать культурные стереотипы социоментальных групп?

З.Т. Голенкова считает, что сегодня материалистический подход демонстрирует все большую недостаточность. Ее вывод о недостаточности относится не только к марксизму. Он в какой-то степени касается и веберизма.

Действительно, нельзя только через ratio и выгоду объяснить, как работает механизм, например, избирательных кампаний, понять динамику рейтингов партий и их лидеров, успех и провал реформ, меру доверия людей к институтам и меру их ответственности, причины их выхода на улицы и основание их отношения к уличным протестам, логику самоидентификации личности, социальных слоев, групп.

Социологи все чаще говорят, что субъектом социальной динамики сегодня является не столько форма собственности, существующий доход, реальная власть или сложившийся престиж, хотя все это важно, сколько сложно структурированная ментальность — менталитет человека, группы, слоя, общества, лелеющего мечты о счастливым будущем, и историческая память людей, содержащая в себе «воспоминания» о «золотом прошлом», или то, что кажется такими воспоминаниями. В основе воспоминаний и мечты лежат вера, симпатия/антипатия, воображение, эмоциональное мышление, которые и формируют все рейтинги доверия, отношения народа и власти. Причина — в тайнах менталитета, в устойчивости культурных стереотипов. Ища ключ к этим тайнам и к этой устойчивости, В.А. Ядов подчеркивает: «Культура — равноправный или почти равноправный по своему воздействию на социальную жизнь фактор», и констатирует: российские социологи недооценивают значи-

мость культуры в своих социологических исследованиях⁴². Ментальные настройки/культурные стереотипы/мышление абсолютами – коварный субъект, который часто ломает планы партий, рекомендации политтехнологов и выкладки материалистически ориентированных социологов. Социологи чувствуют «подрывную» деятельность этого таинственного субъекта и ищут пути его изучения.

Последнее время в российской социологии пользуются популярностью тесты, изобретаемые в Европе. Опираясь на них, российские социологи проводят межкультурные исследования в России. Так были выявлены и количественно измерены «североевропейский синдром солидарности» и «романо-германский синдром достижительности» (Россия была отнесена к североевропейцам), ментальные стереотипы «что начальство прикажет», «обсудим вместе с руководством»⁴³ и другие. Эти результаты интересны, важны – они дают какое-то представление о российской специфике, но полагать, что ими можно объяснить те фундаментальные основания, которые формируют социальные отношения в России, заблуждение.

И я могу понять В.А. Ядова, который пишет: «Американская жестко конкурентная модель управления нам определенно не подходит. Североевропейская, более гибкая, партнерская – пригодна. Нужна, однако, собственная, российская»⁴⁴. Но адекватная модель управления в России может родиться только в результате модернизации российского социоментального как такового. Отсюда мой вопрос: как изучать социоментальные группы?

З. Голенкова и ученые, которыми она руководит, все больше внимания обращают на понятия «культура», оппозирующая «обществу», «культурные основания социального», «социокультурное противоречие», «угроза социокультурного раскола», по кирпичику выкладывая основы социокультурного анализа. З. Голенкова выделяет культурные стереотипы, которые, как минимум, присутствуют, а то и доминируют в менталитете россиян. Это палеолитические, неолитические, догосударственные, раннегосударственные, обобщенно-родовые – стереотипы. Общинные организационные формы исчезли (исчезли ли?) из нашего общества, но общинные культурные стереотипы в нашем менталитете все еще серьезно конкурируют с гражданскими, порождая полиидентичность. Они рассматриваются Голенковой как одно из ментальных оснований русской культуры и, следовательно, как одно из оснований современного социального. Вот эти рудименты:

- Стереотип «локализма», порождающий фрагментарность массового сознания, формирующий российский социум не как общество, а как «социум страт».
- Установка на воспроизведение достигнутого уровня синкрезиса (палеосинкрезиса) в сознании, сакрализирующая этот уровень и не позволяющая подвергать его дальнейшему дроблению.
- Познавательно-моральный конструкт «должное/сущее», разрывающий социальную связь между идеалом и реальным поведением.
- Эсхатологический комплекс.

- Манихейская составляющая.
- Мироотречная, или гностическая установка.
- Сакрализация статуса власти, ее положения над законом.
- Партиципация, прилепление к господствующему смыслу как спасительному.
- Инверсионная воспроизводственная логика культуры, игнорирование смыслоформирующей «середины».
- Эмоциональное мышление.
- Мифологичность интерпретации реальности.
- Экстенсивная доминанта в проблемных ситуациях.
- Соборность и авторитарность как воспроизводственные логики социального, формирующие идею властной вертикали и патримониальных отношений.
- Идея России как империи.
- Милитаризация повседневности⁴⁵.

Эти стереотипы в совокупности составляют социоментальный блок, мешающий русскому человеку перейти на новый уровень свободы в своем *psihe* (по К.Г. Юнгу), а российскому социальному перейти на новый уровень стадийного развития. По каждому из этих стереотипов написано немало в российской научной (исторической, философской, культурологической, психологической) и художественной литературе — даже просто перечисление основных работ заняло бы слишком много места. Сведенные воедино, они рождают один из портретов русской культуры, и невольно вспоминается эпитафия к бессмертному «Ревизору»: «Неча на зеркало пенять, коль рожа крива».

Что делает аналитик, когда видит перед собой менталитет как объект исследования и как нечто цельное, нерасчлененное? Он его расчленяет на составляющие, дробит, через количественный социологический анализ частей пытается добраться до сути целого. Исследуя эти рудименты, по существу социолог, владеющий количественным анализом, и культуролог, имеющий опыт изучения ментальности, должны вместе мыслить в одном направлении.

Но как это сделать?

З.Т. Голенкова: «Социолог должен выйти за рамки социологии и двинуться в сторону культурологии. Культуролог должен выйти за рамки культурологии и двинуться в сторону социологии. Две научные дисциплины должны встретиться в смысловом пространстве между представлениями о «культуре» и «обществе». Надо культуру изучать через общество, а общество через культуру... В «сфере между» рождаются различные логики воспроизводства социального: возникают точки нового роста, и одновременно работает механизм застревания, схлопывания, гибели социального субъекта, не сумевшего своевременно обновить свои культурные основания. Такова общая схема, которая отражает общемировую логику развития социального»⁴⁶.

* * *

Зинаида Голенкова монтирует строительные леса, чтобы возвести новую стратификационную теорию. В этой теории стратами будут со-

циоментальные группы, измеряемые количественно и опирающиеся не только на доход-престиж-власть, но и на исторически сложившиеся культурные стереотипы, и противостоящие им способности человека рефлексировать по поводу своей рефлексии. Она готовится ответить на вопрос Дюркгейма и Мертонa: что делать, когда старые нормы уже не действуют, а новые еще не заработали, когда старые классы, социальные слои и группы распадаются, а новые еще не сложились, хотя находятся в процессе формирования? Она конструирует исследовательскую модель общества, вставшего на путь модернизации и формирующего контуры новой социальной структуры.

Я желаю Зинаиде Тихоновне успехов на этом пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Голенкова З.Т.* Предисловие // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: ИС РАН, 1998. С. 6.

² Там же.

³ *Черныш М.Ф.* Классовый анализ и современное российское общество // Модернизация социальной структуры российского общества. – М.: ИС РАН, 2008. С. 14.

⁴ *Тихонова Н.Е.* Критерии выделения и определение численности среднего класса в современном российском обществе // Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад. Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: ИС РАН, 2007. С. 7 – 8.

⁵ *Голенкова З.Т.* Тенденции изменения социально-структурных отношений в контексте интеграции и дифференциации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Новый хронограф, 2010. С. 9.

⁶ *Голенкова З.Т.* Социально-профессиональный портрет и квалификационные характеристики среднего класса // Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад. С. 21.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ Там же. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 25.

¹³ *Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В.* Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5 – 15.

¹⁴ *Коупленд Д.* Поколение Икс. – М.: АСТ, 2009.

¹⁵ *Standing G.* The Precariat – The New dangerous class. London. Bloomsbury Academic, 2011.

¹⁶ Новый класс неустойчиво занятых: «непонятно где, непонятно чем» // РИА Новости. – URL: <http://ria.ru/analytics/20130404/930910280.html>

¹⁷ Интервью Министра *Максима Топилина* «Коммерсанту» о развитии пенсионной системы, трудового законодательства и социальной сферы // Министер-

ство труда и социальной защиты Российской Федерации. – URL: <http://www.rosmintrud.ru/pensions/rasvitiie/179>

¹⁸ Новый класс неустойчиво занятых: «непонятно где, непонятно чем» // РИА Новости. – URL: <http://ria.ru/analytics/20130404/930910280.html>

¹⁹ Западные и российские социологи говорят о быстро растущей городской социальной группе – kidults (кидалты), которая так же, как и прекариат, является результатом размывания среднего класса, тесно примыкает к прекариату и превращает «середину» в «болото». Слово «кидалты» – результат слияния двух слов в английском языке kids – дети, adults – взрослые. Kidults (кидалты) – это люди, получившие среднее и высшее образование, достигшие 30 – 40 лет, но не желающие взрослеть. Они нигде не работают, живут с родителями и за счет родителей (см., например: <http://medportal.ru/budzdorova/pregnancy/1109>). В СМИ появилась обширная литература о кидалтах. Но кидалтов не надо путать с инфантилами – еще одной социальной группой, которая воспроизводится тоже за счет маргинализации среднего класса.

²⁰ См.: *Петухов В.В.* Доклад на заседании круглого стола «Медиация как социокультурная категория» // *Философские науки.* 2014. № 4.

²¹ *Афанасьев Ю.Н.* Россия – несовременная страна // *Свободная мысль.* 2004. № 11. С. 7 – 8.

²² *Левада Ю.А.* «Средний человек»: фикция или реальность? // *Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика.* – М.: Дело, 1998. С. 178.

²³ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. 3-е изд. – М.: Новый хронограф, 2008.

²⁴ *Тихонов А.В.* Гражданская экспертиза проблем реформирования властно-управленческой вертикали на конференции ИС РАН по управлению. – Москва, ноябрь 2013 // *Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* – М., 2013. С. 6.

²⁵ *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // *Социология преступности (Современные буржуазные теории)* / пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Прогресс, 1966. С. 299 – 313. – URL: http://scepsis.net/library/id_632.html

²⁶ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. 3-е изд. – М.: Новый хронограф, 2008.

²⁷ *Бляхер Л.Е.* Нестабильные социальные состояния. – М.: Росспэн, 2005.

²⁸ *Голенкова З.Т.* Альтернатива и перспективы развития гражданского общества в России // *Гражданское общество: теория, история, современность* / отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: ИС РАН. 1999. С. 22, 24.

²⁹ Там же. С. 24.

³⁰ Там же. С. 24 – 25.

³¹ См., например: *Глазьев С.Ю.* Научный доклад: «О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции». – URL: <http://glazev.ru/sciencexpert/305/>

³² См., например: Центр политических технологий. Аналитический доклад «Власть – элиты – общество: Контуры нового общественного договора». По заказу Комитета гражданских инициатив / рук. авт. колл. И.М. Бунин. – М., 2013. – URL: <http://www.politcom.ru/15589.html>

³³ Там же.

³⁴ См., например: *Яницкий О.Н.* Расширение сферы познания проблем управления // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2013. С. 99.

³⁵ *Гофман А.Б.* От какого наследства мы отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX – XXI веков // Традиции и инновации в современной России. – М.: Росспэн, 2008. С. 53.

³⁶ См., например: *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. – М.: Unity, 2012.

³⁷ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. – М.: Новый хронограф, 2008. См. также: *Давыдов А.П.* К вопросу о методологии социокультурного анализа через смысл «середины». Комментарий к докладу А.В. Тихонова «Гражданская экспертиза проблем реформирования властно-управленческой вертикали» на конференции ИС РАН по управлению. Москва. Ноябрь 2013 // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2013.

³⁸ Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: ИС РАН, 2003.

³⁹ *Давыдов А.П.* Картинки с выставки середины. – М.: Стратегия, 2012.

⁴⁰ *Волошинов В.Н.* Фрейдизм // Бахтин под маской. Т. 1. – М., 1993. С. 158.

⁴¹ См.: *Давыдов А.П.* Неполитический либерализм в России. – М.: Мысль, 2012; *Давыдов А.П.* Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. – М.: Новый хронограф, 2008.

⁴² *Ядов В. А.* Социология труда начала умирать, потому что появился рынок... Интервью // *Vivat, Ядов!* – М.: Новый Хронограф, 2009. С. 101.

⁴³ Более подробно об этих исследованиях см.: *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций. 2 изд. – СПб., 2009. С. 65 – 70.

⁴⁴ Там же. С. 68.

⁴⁵ *Голенкова З. Т. Давыдов А. П.* Социология сегодня: методологический тупик или новый ренессанс? // *Философские науки.* 2010. № 5. С. 151.

⁴⁶ Там же. С. 154.

REFERENCES

Afanas'yev Yu.N. Rossiya – nesovremennaya strana. Svobodnaya mysl'. 2004. № 11.
Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. 3-e izd. Moskva: Novyy khronograf, 2008.

Blyakher L.E. Nestabil'nye sotsial'nye sostoyaniya. Moskva: Rosspen, 2005.

Chernysh M.F. Klascovyy analiz i sovremennoe rossiyskoe obshchestvo. Modernizatsiya sotsial'noy struktury rossiyskogo obshchestva. Moskva: IS RAN, 2008.

Coupland D. Pokolenie Iks. Moskva: AST, 2009.

Davydov A.P. Dusha Gogolya. Opyt sotsiokul'turnogo analiza. Moskva: Novyy khronograf, 2008.

Davydov A.P. K voprosu o metodologii sotsiokul'turnogo analiza cherez smysl «serediny». Kommentariy k dokladu A.V. Tikhonova «Grazhdanskaya ekspertiza problem reformirovaniya vlastno-upravlencheskoy vertikali» na konferentsii IS RAN po upravleniyu. Moskva. Noyabr' 2013. Modernizatsiya otechestvennoy sistemy

upravleniya: analiz tendentsiy i prognoz razvitiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 2013.

Davydov A.P. Kartinki s vystavki seregin. Moskva: Strategiya, 2012.

Davydov A.P. Nepochiticheskiy liberalizm v Rossii. Moskva: Mysl', 2012.

Glaz' yev S.Yu. Nauchnyy doklad: «O tselyakh, problema i merakh gosudarstvennoy politiki razvitiya i integratsii». Moskva, 2013 // <http://glazev.ru/scienexpert/305/>

Gofman A.B. Ot kakogo nasledstva my otkazyvaemsa? Sotsiokul'turnye traditsii i innovatsii v Rossii na rubezhe XX – XXI vekov // Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii. Moskva: Rosspen, 2008.

Golenkova Z.T. Al'ternativa i perspektivy razvitiya grazhdanskogo obshchestva v Rossii. Grazhdanskoe obshchestvo: teoriya, istoriya, sovremennost'. otv. red. Z.T. Golenkova. Moskva: IS RAN, 1999.

Golenkova Z.T. Davydov A.P. Sotsiologiya segodnya: metodologicheskii tupik ili novyy renessans? // Filosofskie nauki. 2010. № 5.

Golenkova Z.T. Grazhdanskoe obshchestvo: teoriya, istoriya, sovremennost'. Moskva: IS RAN. 1999.

Golenkova Z.T. Predislovie // Transformatsiya sotsial'noy struktury i stratifikatsiya rossiyskogo obshchestva. Otv. red. Z.T. Golenkova. Moskva: IS RAN, 1998.

Golenkova Z.T. Sotsial'no-professional'nyy portret i kvalifikatsionnye kharakteristiki srednego klassa // Gorodskoy sredniy klass v sovremennoy Rossii. Analiticheskii doklad. Otv. red. M.K. Gorshkov. Moskva: IS RAN, 2007.

Golenkova Z.T. Tendentsii izmeneniya sotsial'no-strukturnykh otnosheniy v kontekste integratsii i differentsiatsii rossiyskogo obshchestva // Sotsial'nye faktory konsolidatsii rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie. Otv. red. M.K. Gorshkov. Moskva: Novyy khronograf, 2010.

Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. Novye sotsial'nye gruppy v sovremennykh stratifikatsionnykh sistemakh global'nogo obshchestva. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2013. № 3.

Interv'yu Ministra Maksima Topilina «Kommersantu» o razvitii pensionnoy sistemy, trudovogo zakonodatel'stva i sotsial'noy sfery. Ministerstvo truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii URL: <http://www.rosmintrud.ru/pensions/rasvitie/179> retrieved 15.08.2013.

Levada Yu.A. «Sredniy chelovek»: fiktsiya ili real'nost'? Kuda idet Rossiya? Transformatsiya sotsial'noy sfery i sotsial'naya politika. Moskva: Delo, 1998.

Merton R. Sotsial'naya struktura i anomiya. Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii) Moskva, 1966. Pervod s fr. E.A.Samarskoy. Moskva: Progress. 1966. C. 299 – 313. – URL http://scepsis.net/library/id_632.html

Novyy klass neustoychivo zanyatykh: «neponyatno gde, neponyatno chem». Novosti. – URL: <http://ria.ru/analytics/20130404/930910280.html> retrieved 15.08.2013.

Petukhov V.V. Doklad na zasedanii kruglogo stola «Mediatsiya kak sotsiokul'turnaya kategoriya». Filosofskie nauki. 2014. № 4.

Sotsiologiya mezhetnicheskoy tolerantnosti. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moskva: IS RAN. 2003.

Standing G. The Precariat: The New dangerous class. London. Bloomsbury Academic. 2011.

Tikhonov A.V. Grazhdanskaya ekspertiza problem reformirovaniya vlastno-upravlencheskoy vertikali na konferentsii IS RAN po upravleniyu. Moskva. Noyabr' 2013. Modernizatsiya otechestvennoy sistemy upravleniya: analiz tendentsiy i prognoz

razvitiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 2013.

Tikhonova N.E. Kriterii vydeleniya i opredelenie chislennosti srednego klassa v sovremennom rossiyskom obshchestve. Gorodskoy sredniy klass v sovremennoy Rossii. Analiticheskiy doklad. Otv. red. M. K. Gorshkov. Moskva: IS RAN, 2007.

Toshchenko Zh.T. Paradoksal'nyy chelovek. Moskva: Unity, 2012.

Tsentr politicheskikh tekhnologiy. Analiticheskiy doklad «Vlast' – elity – obshchestvo: Kontury novogo obshchestvennogo dogovora». Po zakazu Komiteta grazhdanskikh initsiativ. Rukovoditel' avt. koll. I. M. Bunin. Moskva, 2013 // <http://www.politcom.ru/15589.html>

Voloshinov V.N. Freydzizm // Bakhtin pod maskoy. T. 1. Moskva, 1993.

Yadov V.A. Sotsiologiya truda nachala umirat', potomu chto poyavilsya rynek... Interv'yu. Vivat, Yadov! Moskva: Novyy Khronograf, 2009.

Yadov V.A. Sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya kak kontseptual'naya baza issledovaniya rossiyskikh transformatsiy. Kurs lektsiy. Izdanie 2-e. Sankt Petersburg, 2009.

Yanitskiy O.N. Rasshirenie sfery poznaniya problem upravleniya. Modernizatsiya otechestvennoy sistemy upravleniya: analiz tendentsiy i prognoz razvitiya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 2013.

Аннотация

В статье анализируются перспективы стратификационной теории в социологии. Высказывается мнение, что эти перспективы связаны с изучением социоментальных групп, указывается на существование прекариата – социального слоя, формирующегося в результате маргинализации среднего класса, перечисляются ментальные стереотипы, мешающие развитию российского общества. Статья написана в связи с юбилеем З.Т. Голенковой.

Ключевые слова: стратификация, менталитет, социоментальные группы, прекариат, средний класс, маргинализация, Голенкова.

Summary

The article studies prospects of stratification theory in sociology. there is an opinion that these prospects are connected with investigation of sociomental groups. The article indicates existence of precariat – a social layer as the result of marginalization of middle class. mental stereotypes, preventing from development of the russian society are explained. the article is written on the case of jubilee of Z.T. Golenkova.

Keywords: stratification, mentalitet, sociomental groups, precariat, middle class, marginalization, Golenkova.